

Ксения Пименова

Marc Brightman, Vanessa Elisa Grotti, and Olga Ulturgasheva, eds. Animism in Rainforest and Tundra: Personhood, Animals, Plants and Things in Contemporary Amazonia and Siberia. New York: Berghahn Books, 2012. 226 p. ISBN 978-0-8574-5468-3.

Ksenia Pimenova. Address for correspondence: Centre d'études interdisciplinaires des faits religieux, EHESS, 10 rue Monsieur-Le-Prince, 75006, Paris, France. ksenia.pimenova@gmail.com.

Сборник «Анимизм в джунглях и в тундре: животные, растения и вещи в современной Амазонии и Сибири» предлагает панораму новых этнографических материалов и является хотя и не первой, но важной репликой в диалоге между амазонистикой и сибиреведением.

В статьях сборника развиваются и переосмысливаются две теоретические модели, «выросшие» в последние двадцать лет на амазонском поле. Вкратце напомним их основные положения. Первая теория была введена в научный оборот бразильским антропологом Эдуардо Вивейросом де Кастро (Viveiros de Castro 1992) и получила название перспективизма. Она опирается на представления индейцев о симметрии точек зрения представителей разных «онтологических миров»: так, индейцы наделяют животных (а также духов) человеческими качествами и думают, что и те, и другие считают себя людьми. Перспективизм оказывается удобным инструментом для интерпретации охотничьих техник, одомашнивания животных, шаманских обрядов, причем не только на амазонских, но с некоторых пор и на сибирских материалах (см., например, специальный номер журнала *Inner Asia* (Pedersen and Humphrey 2007)).

Вторая теория, сформулированная Филиппом Дескола (Descola 1996; см. также Дескола 2012), критически пересматривает оппозицию природы и культуры. Для большинства неевропейских народов человеческое общество и природа составляют континуум, среди форм которого – анимизм и тотемизм. В обновленной трактовке Дескола анимизм характеризует общества, где доминируют представления о сущностном сходстве между всеми людьми и нечеловеческими существами (животными или духами). Тотемизм же дробит общества на неравные сегменты (кланы), по отдельности возводящие свое происхождение к тем или иным животным. Датский антрополог Мортен Аксель Педерсен (Pedersen 2001) применил эту классификацию к Северной Азии. Так, анимизм отличает слабо иерархизированные группы Северной Сибири с неглубокой генеалогической памятью, почитающие духов-животных. Тотемизм же распространен южнее, в более централизованных обществах с развитым культом предков.

Во введении к сборнику редакторы разъясняют генеалогию этих моделей, историю их применения к сибирским материалам и возможные методологические проблемы подобного регионального переноса. Помимо общей теоретической перспективы, сопоставимость материалов в статьях сборника задается несколькими

ми сквозными темами. К ним относятся представления об обитателях разных «миров», а также представления о свойствах личности (людей, духов, животных).

Александра Лаврилье (Alexandra Lavrillier) анализирует эвенкийскую классификацию живых существ и понятие «наделенности духом». Это понятие распространяется на людей, домашних и некоторых диких животных, но исключает все остальное. Автор показывает, что «наделенность духом» отражает степень участия представителей тех или иных миров в экономических и обрядовых взаимодействиях с людьми.

Ольга Ультургашева (Olga Ulturgasheva) и Рене Виллерслев (Rane Willerslev) предлагают перспективистский анализ отношений между онтологическими мирами у эвенов и чукчей. Эвены считают, что дети обладают «открытым телом», которое видится дикими животными как потенциальная добыча. Уязвимость ребенка требует защитных мер; но она же оборачивается пользой, поскольку дети служат символической приманкой для животных и притягивают удачу на охоте. У чукчей мир мертвых мыслится как вывернутый наизнанку мир живых: смерть человека является его рождением среди предков, и наоборот. Несмотря на кажущуюся симметрию миров, «другие», будь то предки или животные, обладают более значимым статусом по сравнению с живыми людьми. Данные об имплицитной иерархии миров вносят коррективы в рассуждения Педерсена (см. выше) об эгалитарном анимизме, к которому, по его классификации, относятся чукчи и эвены.

Статья Лоры Райвал (Laura Rival) интересна анализом теоретических подходов к статусу растений – в первую очередь, хозяйственных культур, например, маниока. Считаются ли растения живыми? Наделяются ли они свойствами личности в той же мере, что люди и животные?

Вопрос о личности (*personhood*) и ее атрибутах – власти, субъектности, техниках социализации, нормах поведения – проходит красной нитью через все разнообразие материалов сборника. Вера Сквирская (Vera Skvirskaja) показывает условность некоторых заявлений информантов в сравнении с их же невербальным поведением. Современные ненцы фактически утратили традиционную экзогамию (заключение браков только между фратриями) и выбирают партнеров в основном по личным предпочтениям. Тем не менее, память о родовой идентичности, брачных запретах и предписаниях проявляется через поведение в определенных пространственных контекстах, таких как кочевое жилище (чум).

Карлос Фаусто (Carlos Fausto) подчеркивает, что амазонская онтология, которую часто считают эгалитарной, пронизана отношениями власти (*mastery*) и собственности (*ownership*). Все личности являются хозяевами: духи властвуют над лесными территориями; шаманы распоряжаются духами; деревни захватываются в рабство врагами. Однако власть и собственность в Амазонии предполагают постоянную возможность смены владельца через присвоение и поглощение, и такая зыбкость границ между субъектом и объектом объясняет слабо иерархизированный характер амазонских обществ.

В фокусе статьи Кэйси Хай (Casey High) оказывается понятие субъектности. У индейцев ваорани субъектность является отрицательным качеством, поскольку ассоциируется с агрессивным и асоциальным поведением, свойственным некото-

рым нечеловеческим существам. Поэтому колдуны-шаманы, использующие в своих обрядах силу духов-ягуаров (то есть «несоциализированных» хищников-одиночек), занимают амбивалентную позицию по отношению к миру людей. Такое отрицательное понимание субъектности парадоксальным образом приводит к тому, что ваорани гордятся отсутствием в своих деревнях шаманов и делегируют шаманские функции соседним народам, которых считают дикарями.

Статья Кэтрин Суонкатт (Katherine Swancutt) о народе носу (*nuosu*), живущем в Китае, и о бурятах Монголии, описывает иную модель субъектности. Шаманские и буддистские обряды основаны на «хищнической» модели поведения, поскольку преследуют цели захвата разнообразных материальных и символических ресурсов.

На примере североамазонских народов тирийо, уайана и акуруи Ванесса Элиза Гротти (Vanessa Elisa Grotti) и Марк Брайтман (Marc Brightman) показывают, что человеческие качества конструируются через воспитание, цель которого – «закрепить» основные компоненты личности ребенка и ввести его в круг человеческих родственных связей, предупредив этим его социализацию в другом мире – например, среди обезьян. Свойства человека проявляются затем в его способности к обратимым телесным трансформациям (рисунки на теле, повседневная/обрядовая одежда).

Глава Татьяны Сафоновой (Tatiana Safonova) и Иштвана Шанты (István Sántha) посвящена социализации охотничьих собак у курумканских эвенков. Опираясь на теорию М.А. Педерсена, авторы показывают разницу в отношении к собакам у эвенков (анимистов) и у бурят (тотемистов). В отличие от бурят, отношения эвенков с собаками характеризует отсутствие как дрессировки, так хозяйской заботы. Эти отношения больше похожи на неформальное партнерство, чем на служение, предполагающее подчиненное положение животного в обмен на корм и тепло. Иными словами, собаки поддерживаются в состоянии полудикости и обучаются охоте исподволь, просто разделяя с эвенками жизнь в тайге.

Наконец, Луис Коста (Luiz Costa) анализирует охоту и разделку дичи как процесс деперсонификации. Как и другие амазонские народы, западноамазонские канамари наделяют животных качествами социализированной личности. Убийство животного проблемно с точки зрения морали, поскольку ассоциируется с каннибализмом. Поэтому прежде, чем охотничья добыча станет мясом, она должна пройти четко регламентированные этапы деперсонификации – от утраты души (остановка циркуляции крови) до деконструкции социальной идентичности животного (снятие шкуры и разделка мяса).

Современное сибиреведение в России, несомненно, выиграет от расширения теоретической перспективы, предлагаемой этим сборником. Как отмечает в своем послесловии Пирс Витебски (Piers Vitebsky), советская этнография долго находилась в интеллектуальной и идеологической изоляции, которая и сегодня зачастую затрудняет общение между российскими и западными коллегами. Тем не менее, немного жаль, что редакторы не ставили перед собой цели такое общение поддерживать. Сборник ориентирован на европейскую аудиторию, о чем говорит как состав авторов и их институциональная принадлежность, так и (в определенной степени) характер ссылок. Вопросы, имеющие прямое отношение к тематике

сборника (представления о природе, отношения с животными, «души» человека) подробно исследовались советскими и постсоветскими сибиреведами. Этот интеллектуальный багаж не совсем игнорируется, но занимает относительно скромное место в библиографическом аппарате большинства статей. Впрочем, это не отменяет многочисленных достоинств сборника, который заслуживает самого пристального внимания специалистов по антропологии Амазонии, Сибири и других регионов мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дескола, Филипп. 2012. *По ту сторону природы и культуры*. М.: НЛЮ.
- Descola, Philippe. 1996. "Constructing Natures: Symbolic Ecology and Social Practice." Pp. 82–102 in *Nature and Society: Anthropological Perspectives*, edited by Philippe Descola and Gisli Palsson. London: Routledge.
- Pedersen, Morten Axel. 2001. "Totemism, Animism and North Asian Indigenous Ontologies." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 7(3):411–427.
- Pedersen, Morten Axel and Caroline Humphrey, eds. 2007. "Perspectivism." Special issue, *Inner Asia* 9(2).
- Viveiros de Castro, Eduardo. 1992. *From the Enemy's Point of View: Humanity and Divinity in an Amazonian Society*. Chicago: University of Chicago Press.